

**«Широкая юрисдикция» в международном
гражданском процессе
(подходы США, России и стран ЕАЭС): тенденции
и перспективы конкуренции национальных
юрисдикций в условиях глобализации и между-
народной экономической интеграции**

**«Exorbitant jurisdiction» in international civil pro-
cedure (approaches of the United States, Russia
and the EAEU countries): trends and prospects
of competition between national jurisdictions
in the context of globalization and international
economic integration**

Тарасова А.Е.

канд. юрид. наук, заведующая кафедрой международного права ФГАОУ ВО
«Южный федеральный университет»
e-mail: aet@bk.ru

Tarasova A.E.

Candidate of Law, Head of the Department of International Law, Southern Federal Uni-
versity

Евсиков М.В.

Студент 5 курса юридического факультета ФГАОУ ВО «Южный федеральный
университет»

Evsikov M.V.

5th year student of the Faculty of Law of the Southern Federal University

Аннотация

Развитие трансграничных отношений привело к отступлению от традиционного старого принципа международного частного права «право суда». В современных условиях проблема конкуренции правовых систем имеет отношение к широкому пониманию правовой системы, включающему вопросы юрисдикции и применимого права. Конкуренция охватывает не только применимое материальное право разных стран, но и соперничество юрисдикций (процессуальная конкуренция). Процессуальная конкуренция юрисдикций в условиях успешного развития коллизионного права, унификации международного частного права, положительного опыта применения иностранными государственными судами материального права разных стран, приобретает новые формы, требующие изучения в условиях глобализации, международной экономической интеграции, развития цифровых услуг и интернета, роста числа международных компаний и не прекращающейся санкционной политики государств. В статье представлен авторский взгляд на проблемы расширения юрисдикции в отдельных странах, учитывая их исторический опыт и

экономическое влияние, и перспективы развития международной юрисдикции в рамках интеграционных объединений.

Ключевые слова: широкая юрисдикция, гражданский процесс, международная подсудность, международный гражданский процесс, международное частное право, конкуренция правовых систем.

Abstract

The development of cross-border relations has led to a departure from the traditional old principle of private international law "the law of the court". In modern conditions, the problem of competition of legal systems is related to a broad understanding of the legal system, including issues of jurisdiction and applicable law. Thus, competition covers not only the applicable substantive law of different countries, but also the competition of jurisdictions (procedural competition). The procedural competition of jurisdictions in the context of the successful development of conflict of laws, the unification of private international law, the positive experience of the application of substantive law by foreign state courts in different countries, takes on new forms that require study in the context of globalization, international economic integration, the development of digital services and the Internet, the growth of the number of international companies and the ongoing sanctions policy of States. The article presents the author's view on the problems of expanding jurisdiction in individual countries, taking into account their historical experience and economic influence, and the prospects for the development of international jurisdiction within the framework of integration associations.

Keywords: exorbitant jurisdiction; civil procedure; international jurisdiction; international civil procedure; private international law; competition of legal systems.

Введение в проблему

В современной науке международного частного права, включая международный гражданский процесс, не выработано общепринятого термина для обозначения процессуальной юрисдикции по гражданским делам с участием иностранных лиц [4, с. 52].

В российской доктрине международного гражданского процесса наиболее часто употребляется понятие «*международная подсудность*». В российских процессуальных кодексах используются: категория «*подсудность*» (гл. 3 и раздел V «производство по делам с участием иностранных лиц» ГПК РФ) – для споров, не связанных с предпринимательской и иной экономической деятельностью, и категории «*компетенция судов*» и «*подсудность*» (гл. 4 и раздел V – «производство по делам с участием иностранных лиц» АПК РФ) – для споров в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В англоязычных странах применяется термин «*личная юрисдикция*» (*personal jurisdiction*), который уточняется дополнительными принципами [31, с. 1243; 51, с. 1129].

Общим термином для различных правовых систем и разграничения в них сферы применимого права (в материальном смысле), и вопроса подсудности (в процессуальном смысле) могла бы служить категория «*юрисдикции*». В широком смысле слова в правовую систему государства включаются вопросы юрисдикции и вопросы применимого права. Данный подход отвечает развитию унификации в международном частном праве. Например, в Гаагских конвенциях в сфере МЧП разграничиваются вопросы юрисдикции и применимого права [1]. Каждому аспекту уделяется особое значение при унифицированном регулировании на международном конвенционном уровне, и каждый из вопросов должен получать отдельное (самостоятельное разрешение), что соответствует тенденциям расширения юрисдикционных подходов, отступлению от принципа «право суда», развитию практики применения иностранного материального права в разных юрисдик-

циях ввиду распространения самих трансграничных отношений в глобальном и интеграционном форматах. Конкуренция правовых систем осуществляется не только вследствие конкуренции применимого иностранного права, но и конкуренции юрисдикций, что требует самостоятельного изучения указанной категории как явления более специального порядка, подвергающегося современным тенденциям и трансформации принципа «право суда».

Судебная юрисдикция в международном гражданском процессе долгое время рассматривалась как государственная власть [8, с. 810], власть суверена над территорией [54, с. 43]. Однако судебная система реагирует на транснациональные вызовы и потребности сторон. Государства постепенно расширяли международную подсудность и предлагали лучшее место для рассмотрения дела [35, с. 185]. Юрисдикция расширялась на основании гражданства, наличия какого-либо имущества на территории, наличия связи с местом, причинение ущерба [8, с. 813], а также с помощью факта ведения бизнеса (*doing-business jurisdiction*) [36, с. 474]. Все это привело к конкуренции юрисдикций (подсудности) судов различных стран.

На данный момент можно выделить особый термин – «широкая юрисдикция» (*exorbitant jurisdiction*) в гражданских делах. Это те основания судебной юрисдикции, которые дают возможность рассматривать дела, где нет прямой классической связи между сувереном и сторонами [36, с. 474].

Такое чрезмерное расширение юрисдикций неоднократно критиковалось в доктрине [33, с. 1]. Действительно, для любого предпринимателя или обычного гражданина будет неприятным сюрпризом узнать, что он участвует в судебном процессе в далекой стране, где возможно он никогда не был и с которой его ничего не связывает. Как отмечал судья Верховного Суда США Дж. Брейер, *«несправедливо требовать от небольшого египетского производителя рубашек, бразильского производственного кооператива или кенийского производителя кофе, продающего свою продукцию через международных дистрибьюторов, реагировать на судебные иски в другой стране»* [44].

В то же время необходимо рассматривать данную ситуацию как естественный факт развития международного гражданского процесса.

На данном этапе развития МЧП коллизионный метод выбора применимого права вполне устоялся. Юрисдикции более не конкурируют и не навязывают свое право (принцип «право суда») напрямую. В данном аспекте имеется в виду конкуренция юрисдикций через применение «права суда», под которым понимается материальное право страны суда. То есть когда с помощью юрисдикционного вопроса упрощенно разрешается вопрос применимого права. Однако возможность обеспечения правильного применения национального (иностранного) права в отрыве от судебной системы (вне национальной правовой системы) особенно для государственных судов все еще остается актуальным вопросом, несмотря на выработку в доктрине и практике правил применения иностранного права.

На данном этапе можно наблюдать, как правовые системы конкурируют между собой с помощью расширения своей юрисдикции. Интересным примером данного тезиса может служить дело [10], в котором российский суд отказал в признании решения украинского суда на основании исключительной юрисдикции по данному вопросу. При этом к данной ситуации в двух государствах применялось украинское право. Однако юрисдикции пришли к диаметрально противоположным решениям: украинский суд признал сделку недействительной по украинскому праву, российский суд признал сделку не противоречащей украинскому праву, применяя такое право, как иностранное.

Для юристов очень часто такая конкуренция юрисдикций даёт возможность разрешить спор наиболее эффективно. Как отмечают исследователи – ничто

так не ограничивает подготовку и ведение транснациональных судебных процессов, как рефлекторный вывод, что истец всегда должен стремиться к судебному разбирательству в своей юрисдикции [31, с. 1243].

Существует также мнение, что «широкая юрисдикция» относится только к США, так как там ждут истцов со всего мира [55, с. 1444; 31, с. 1243; 34, с.76]. Есть стереотип, что в США легко привлечь любого ответчика без его присутствия в государстве. Аналогичный тезис характерен и для английской правовой системы, которая конкурирует с другими не только в вопросах юрисдикции, но и широкого применения английского права [25, с. 72].

Особый подход США к «широкой юрисдикции», и вообще к международному частному праву, сложился в силу особого федеративного устройства этого государства, обеспечив формирование множественной правовой системы с существенной степенью ее децентрализации (решение юрисдикционного вопроса и вопроса о применимом праве по штатам – субъектам федерации). Соединенные Штаты отличаются тем, что штаты воспринимаются как отдельные государства для коллизионного права. Такой же подход сохраняется и в процессуальном смысле: у каждого штата есть свое процессуальное законодательство, свои юрисдикционные нормы, а также ограничения к судебным решениям других штатов. При этом в США нет строгого разделения на межштатное и межгосударственное коллизионное право, аналогичный подход распространяется и на процессуальные вопросы в международном взаимодействии.

Иными словами, инструментарий «широкой юрисдикции» разрабатывался в процессе взаимодействия американских штатов как необходимость, а стал использоваться в МЧП, включая международный гражданский процесс, как данность. Такая модель характерна как для стран с множественной правовой системой, так и для развивающихся по типу конфедераций международных экономических интеграционных объединений стран. В связи с этим, интересно изучить историю, доктринальные особенности и судебную практику Соединенных Штатов, а также провести сравнение подходов к «широкой юрисдикции» между США, Россией и странами ЕАЭС.

Доктринальные положения «широкой юрисдикции» в США

В США на протяжении долгого времени было достаточно строгое правило – *личная юрисдикция* ограничивается штатом суда. Данное правило было закреплено в знаменитом прецеденте «*Pennoyer v. Neff*» в 1878 г. [48]. Оно было очень простым в использовании и не требовало конкретизации до определенного времени.

Строгий подход территориальной ограниченности не учитывал экономическое развитие и международную торговлю, вопросы глобализации и международной экономической интеграции, активно развивающиеся после Второй мировой войны. В ответ на это в 1945 г. Верховный Суд частично отменил прошлый подход в новом прецеденте «*International Shoe v. State of Washington*» [43], где разбирался вопрос распространения личной юрисдикции на ответчика – резидента другого штата.

История «широкой юрисдикции» в США берет начало из взаимодействия судов штатов [31, с. 1243]. Именно прецедент 1945 г. создал основные инструменты для рассмотрения подобных кейсов [31, с. 1243]. Далее подход развивался в таких спорах, как «*Perkins v. Benguet Mining Co*» (1952), «*World-Wide Volkswagen Corp v. Woodson*» (1980) и т.д.

На основании прецедентов и доктрины можно выделить 5 главных категорий, которыми пользуются американские судьи для решения вопроса широкой юрисдикции:

1. *Personal jurisdiction (личная юрисдикция)* – категория, которая претерпела существенные изменения и полностью отличается от изначальной задумки. Как отметил один из исследователей, «личная юрисдикция - понятие неуловимое» [51, с. 1129]. Формально она коренится в ограничениях суверенной власти над лицом, находящимся в штате.

В доктрине личная юрисдикция делится на общую и специальную [50, с. 509; 39, с. 1205]. Специальная относится к иностранным ответчикам из-за их взаимодействия со штатом. Исследователи отмечают, как только суды начали применять личную юрисдикцию к нематериальным интересам и деликтам – доктрина стала выходить из-под контроля [31, с. 1129]. Так или иначе, формально личную юрисдикцию можно определить, как право суда принимать решение в отношении стороны, против которой возбуждено дело.

2. *Due Process Clauses (правило о надлежащей правовой процедуре)* – данное правило вытекает из Конституции США [34, с. 76] и предполагает надлежащую правовую процедуру для сторон. Из данного положения следует правило о надлежащем уведомлении и обеспечении участия ответчика. Также учитывается принцип «соответствия представлению о честной игре» (traditional notions of fair play), с помощью которого ограничивается недобросовестное привлечение ответчика в процесс на территории США.

3. *Long-arm statutes (статут длинной руки)* – это специальные процессуальные законы штатов. Положения о надлежащей правовой процедуре требуют наличия таких статутов в каждом штате [52, с. 1653]. Это разрешение принимает форму «статута длинной руки», посредством которого определяются пределы личной юрисдикции [39, с. 1205]. Обычно это перечисление контактов между штатом или резидентом штата: получение дохода, ведение бизнеса, распространение рекламы, наличие сайта, а также деликты или ущерб репутации, иные подобные процессуальные привязки.

4. *Minimum contacts principle (принцип минимальной связи или минимальных контактов)* – правило или критерий, ограничивающий «длинные руки». Судами оцениваются ожидания иностранного ответчика подчиниться американской юрисдикции от определенных действий или отношений [49, с. 509]. Иными словами, юрисдикция признается, только если имеется минимальная связь. Однако, есть исключения, например, суд штата истца может признать свою юрисдикцию по делам о репутации, несмотря на отсутствие минимальных контактов («Jones v. Calder» 1982 год [45]). Данный критерий продолжает активно развиваться после появления интернета [51, с. 1129].

5. *Forum Non Conveniens (неподходящий или альтернативный форум)* дает американскому суду право по своему усмотрению отклонить транснациональный иск в пользу более подходящего и удобного иностранного судебного органа, если он является доступным и адекватным альтернативным форумом [55, с. 1444]. Ответчики используют данный инструмент, приводя такие аргументы: невозможность личного присутствия свидетелей; перевозка всех документов и доказательств; расходы на представительство [32, с. 1].

Практика Верховного Суда в Соединенных Штатах

В США не существует специальных правил, определяющих юрисдикцию в отношении иностранных ответчиков. По умолчанию суды применяют идентичные

правила для определения личной юрисдикции в отношении внутренних и иностранных ответчиков. Прецеденты Верховного Суда США играют лишь ограничительную роль.

Первый прецедент, который провел границы для иностранных ответчиков, появился в 1987 г. – «Asahi Metal Industry Co. v. Superior Court» [29].

Житель Калифорнии попал в аварию на мотоцикле, где были установлены шины тайваньской компании Cheng Shin. Cheng Shin в сборке шин использовало клапаны японской корпорацией Asahi. Один из таких клапанов вышел из строя, что привело к аварии.

Cheng Shin привлек в процесс Asahi, чтобы добиться компенсации и урегулировать претензию пострадавшего. Суды Калифорнии признали юрисдикцию, основанную на предполагаемой осведомленности Asahi о международном распространении своей продукции.

Дело рассмотрел Верховный Суд США, где задал 5 ключевых вопросов (пятифакторный тест Asahi):

- *Какое процессуальное бремя ложится на сторону?*
- *Каковы правовые интересы государства в судебном процессе?*
- *Каков интерес истца в разбирательстве в данном суде?*
- *Служит ли допущение юрисдикции межгосударственной эффективности?*
- *Служит ли допущение юрисдикции интересам межгосударственной политики?*

Суд установил, что в этом деле бремя ответственности ответчика было бы тяжелым, исходя как из географического расстояния, так и из-за юридических различий между Японией и США. Кроме того, компания Cheng Shin не была резидентом Калифорнии, что уменьшало интерес Калифорнии к этому делу. Не было доказательств, что нет возможности рассмотреть дело о компенсации между Cheng Shin и Asahi в Японии. И само по себе допущение юрисдикции не сможет удовлетворить ни межгосударственную эффективность, ни интересы межгосударственной политики.

Как указал суд: *«должна быть принята во внимание процедурная и материально-правовая политика других государств, интересы которых затронуты... Следует проявлять большую осторожность при рассмотрении вопроса о личной юрисдикции в международном контексте»* [28].

Однако после такого ограничения суды США все равно были достаточно щедры для привлечения иностранных ответчиков [31, с. 1243]. После долгого перерыва началась новая эпоха развития прецедентов «широкой юрисдикции» [37, с. 1019].

Одним из таких прецедентов стало дело 2011 г. «J. McIntyre Machinery, Ltd. v. Nicastro». Роберт Никастро повредил руку при использовании станка для резки металла. Инцидент произошел в Нью-Джерси, станок был произведен в Англии. При этом компания никогда не продавала товары в штате и работала только с дистрибьютором.

Используя критерии, выработанные в деле Asahi, Верховный Суд пришел к выводу, что ответчик не целенаправленно использовал рынок Нью-Джерси. Ответчик никогда не рекламировал и не отправлял товары. Станок в каком-либо соответствующем смысле не предназначался для этого штата. У компании не было офиса в Нью-Джерси, она не платила налоги и не владела имуществом. Был только один факт – станок оказался в Нью-Джерси.

Судья Дж. Брейер указал в особом мнении, что *«крупная фирма может легко снизить риск обременительного судебного разбирательства, обеспечив страховку, переложив ожидаемые расходы на клиентов»*. В случае, если риски

слишком велики, можно разорвать свои связи с государством. Однако, то, что может показаться справедливым в случае крупного производителя, может быть несправедливым в случае небольшого производителя [44].

Другой прецедент, рассмотренный в 2011 г. «Goodyear Dunlop Tires Operations, S. A. v. Brown» [41; 42]. Жители Северной Каролины, чьи сыновья погибли в автокатастрофе во Франции, подали иск о возмещении ущерба в суд своего штата. Истцы объяснили аварию дефектной шиной, произведенной в Турции на заводе иностранной дочерней компании Goodyear USA.

Вопрос заключался в том, могут ли иностранные дочерние компании материнской корпорации из Соединенных Штатов быть ответчиками в американском суде.

Суд постановил, что, поскольку автокатастрофа произошла во Франции, а шина была изготовлена и продана за границу, суды Северной Каролины не обладают особой юрисдикцией для разрешения спора. Суд может установить юрисдикцию в отношении иностранной организации, когда их связь с государством является настолько «непрерывной и систематической», что они чувствуют себя как дома в государстве суда.

Судья Верховного Суда США Р. Гинзбург так прокомментировала это дело *«фактически, истцы хотели бы, чтобы мы пронзили корпоративную завесу Goodyear, по крайней мере, в юрисдикционных целях»* [41].

Другое дело, которое было рассмотрено в 2014 г. – «Daimler AG v. Bauman» [38]. Истцы – 22 жителя Аргентины – подали иск в Федеральный окружной суд Калифорнии, назвав в качестве ответчика немецкую компанию Daimler.

Mercedes-Benz Argentina (дочернее предприятие Daimler) причинило ущерб их жизни и здоровью. Основываясь на том, что в США ведет свою деятельность Mercedes-Benz USA (дочернее предприятие Daimler), истцы рассчитывали на судебное разбирательство в американском суде. Верховный Суд также отклонил данные аргументы.

Как отмечают исследователи, Верховный Суд США, по-видимому, принимает шаги к постепенному ограничению личной юрисдикции в отношении иностранных корпораций [31, с. 1243]. Хотя до данных прецедентов, иностранные корпорации часто сталкивались с судебными исками по делам, которые мало связаны с США. Необходимо отметить, что подход *«широкой юрисдикции»* в США раздражает иностранные компании и вызывает протест со стороны иностранных правительств [46, с. 209], останавливает бизнес и инвесторов при подсчете рисков [31, с. 1243]. Вероятно, по указанным причинам, прецедентная практика по довольно гибким процессуальным привязкам, и заимствованию института прокалывания корпоративной вуали для юрисдикционных целей стала меняться в сторону определенных ограничений широкой юрисдикции. Однако развитие транснационального бизнеса, интернет-технологий, международной экономической интеграции государств наряду с продолжающейся глобализацией вряд ли приведут к существенному ослаблению такого явления как «широкая юрисдикция».

На современную практику по юрисдикционному вопросу в США в большей степени влияют новые технологии экономической конкуренции, такие как односторонние санкции, что, на наш взгляд, способно изменить широкий юрисдикционный подход и условия конкуренции правовых систем.

Российский подход к «широкой юрисдикции»

Как отмечают российские исследователи, *«нормы российской международной подсудности, взятые в совокупности, образуют российский аналог "зако-*

на длинной руки" и позволяют российским судам, в особенности в случае расширительного толкования данных норм, разрешать споры с участием иностранцев при наличии минимальной связи обстоятельств дела с российской территорией» [20, с. 32].

В российском законодательстве можно выделить ряд оснований для рассмотрения дел с участием иностранных лиц, которые можно рассматривать как широкие.

Так, например, суды РФ вправе рассматривать дела о возмещении вреда здоровью не только, если вред причинен на территории РФ, но и в случае если истец имеет здесь место жительства (п. 4 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ). Такая же ситуация с исками по делу о защите чести, достоинства и деловой репутации (п. 4 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ и п. 6 ч. 1 ст. 247 АПК РФ).

Арбитражные суды могут рассматривать дела при наличии тесной связи спорного правоотношения с территорией РФ (п. 10 ч. 1 ст. 247 АПК РФ). Допустимо предъявить иск в суд по месту так называемого «забытого зонтика» [20, с. 33], если есть какое-либо имущество ответчика на территории РФ (п. 2 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 247 АПК РФ).

Необходимо отдельно отметить новые основания, недавно появившиеся в законодательстве. Во-первых, это дела о защите прав субъекта персональных данных, проживающего в РФ (п. 10 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ). Во-вторых, дела о прекращении выдачи оператором поисковой системы ссылок, позволяющих получить доступ к информации (п. 11 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ). И, в-третьих, иски по делам, где иностранный ответчик распространяет рекламу в интернете, направленную на привлечение внимания российских потребителей (п. 2 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ).

Неясно будет ли критерием привлечения российских потребителей – русский язык, цены в российских рублях, контактные телефоны с российскими кодами. Российские исследователи уже признали такой подход неоправданно широким и нуждающимся в конкретизации [27, с. 96; 22].

Судебная практика в России

За последние несколько лет в Верховном Суде РФ рассматривались интересные дела, которые направляют развитие судебной практики.

Одним из таких кейсов является дело «Васильев против Toshiba», рассмотренное в 2017 г. [27]. Судебным решением в 2010 г. на корпорацию «Toshiba» и представительство корпорации «Toshiba» в России была возложена обязанность произвести замену ноутбука и выплатить неустойку. Однако обязательство не было исполнено, представительство закрыто.

Васильев А.В. обратился в Магаданский городской суд с иском к корпорации «Toshiba», где просил взыскать дополнительную неустойку, штраф, а также обратить взыскание на долю корпорации «Toshiba» в уставном капитале ООО «Тошиба Рус». Все судебные инстанции посчитали, что здесь нет юрисдикции российских судов. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда не согласилась с выводами нижестоящих судов, указав следующее: *«корпорация "Toshiba" является учредителем зарегистрированных на территории Российской Федерации ООО "Тошиба Рус" и ООО "Тошиба Си-Ай-ЭС" со стопроцентным участием в уставном капитале данных обществ, а доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью относится к такому объекту гражданских прав, как имущественные права, и является разновидностью имущества»*. Решения нижестоящих инстанций было отменено, дело направлено на рассмотрение в суд первой инстанции.

Другое дело, которое попало в новостные ленты [3; 21] – «Тарло против Facebook» [12]. Тарло Е.Г., Райская Е.М., Марков С.А. и Царев О.А. обратились в

суд с иском к иностранной организации «Facebook Inc». Истцы считали, что ответчик нарушил условия публичной оферты, права на свободу выражения мнений и авторские права. Ответчик удалял отдельные сообщения истцов, блокировал и удалил их аккаунты, собирал персональные данные за пределами условий пользования. Исковое заявление было возвращено первой инстанцией. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала на соответствующие статьи ГПК РФ и направила дело в суд первой инстанции.

Другое дело 2020 г. – «Киприянова против ЧМУП "Зубная симфония"» [13]. Киприянова Е.С. обратилась в суд по месту жительства (г. Мурманск) с иском к частному медицинскому унитарному предприятию «Зубная симфония» (г. Минск) для расторжения договора медицинских услуги и взыскания стоимости услуг. Суды отказали в принятии иска. Сведений о наличии на территории РФ представительства или имущества не имелось, а относимых и допустимых доказательств распространения ответчиком рекламы истцом не было представлено. Кроме того, было отмечено, что сайт ЧМУП «Зубная симфония» «dentalsymphony.by» не является национальным доменом РФ, а размещение на нем информации на русском языке, имеющей в Республике Беларусь статус государственного, не свидетельствует о цели привлечения российских потребителей. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда указала, что на сайте ЧМУП «Зубная симфония» размещена информация о предоставлении стоматологических услуг иностранным гражданам, в том числе гражданам РФ. Дело было направлено в суд первой инстанции для решения вопроса о принятии иска к производству.

Таким образом, можно сказать, что хотя нижестоящие инстанции с неохотой признают юрисдикцию в подобных вопросах, однако тенденция развития «широкой юрисдикции» существует.

Особенно интересно, как по-разному Верховные Суды РФ и США решили вопрос с «корпоративной вуалью» международных корпораций в юрисдикционных целях. Представляется, что если в США расширению юрисдикции с помощью прокалывания корпоративной вуали устанавливают ограничения, то в РФ, напротив, инструмент прокалывания корпоративной вуали, активно внедренный в материально-правовую сферу, позволяет распространять пределы широкой юрисдикции, что отвечает тенденциям развития международной экономической интеграции, развитию международного бизнеса и интернет предпринимательства.

Совсем недавно в законодательство РФ включены новые экстраординарные основания для широкой юрисдикции. В силу ст. 248.1 АПК РФ у арбитражных судов в РФ появилась исключительная компетенция по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера (санкции). В связи с вышеуказанной нормой, у российских судов появился еще один новый процессуальный механизм – антиисковые меры (anti-suit injunctions). В силу ст. 248.2 АПК РФ в арбитражный суд можно обратиться с заявлением о запрете инициировать или продолжать разбирательство по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера. Этот прием можно рассматривать как своего рода веское возражение против расширения иностранной юрисдикции по критерию недобросовестности, при одновременном ограничении для лица права на судебную защиту.

Как отмечается в литературе, предлагаемые полномочия и инструменты направлены на то, чтобы предоставить подсанкционным лицам возможность получения судебной защиты. Данные нормы предоставляют гибкий подход и широкое усмотрение в отношении переноса споров в российскую юрисдикцию [24, с. 144].

Подходы стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС)

Перспективное направление для сотрудничества по вопросу международного гражданского процесса – взаимодействие государств в рамках такого международного интеграционного объединения, как ЕАЭС. Расширение экономической интеграции неизбежно приводит к транснациональным судебным процессам и выработке подходов *широкой или общей (международной) юрисдикции*. В связи с этим необходимо дальнейшее развитие и унификация правовых подходов государств – членов ЕАЭС для создания элементов общей правовой системы не только в рамках наднационального права ЕАЭС [26, с. 102] и его применения Судом Евразийского экономического союза, а посредством формирования отдельных правовых режимов товаров экономической интеграции, опирающихся на консолидированные отношения в области юрисдикции и применимого права в тех сферах, которые остаются в пределах национального регулирования стран – членов ЕАЭС, но затрагивают трансграничные отношения хозяйствующих субъектов и потребителей государств.

Все страны – участницы ЕАЭС расположены в географической близости друг от друга, а в правовой сфере их объединяет общее правовое наследие [2, с. 67]. При этом в проекте широкой интеграции ЕАЭС усматривается включение в состав членов объединения иных государств, более географически удаленных и не связанных в прошлом единой правовой системой (как это характерно для бывших субъектов Союза ССР). Среди стран широкого проекта ЕАЭС, наблюдателей и партнеров ЕАЭС в рамках зон свободной торговли – Молдавия, Узбекистан, Куба, Вьетнам, Иран, Сингапур, Сербия, Китай и др. государства, находящиеся в стадии переговоров о зонах свободной торговли и развития торгово-экономического сотрудничества. Более широкий формат экономической интеграции ЕАЭС предполагает и развитие концепции «широкой юрисдикции» по спорам, затрагивающим предпринимательские и иные экономические отношения, а также интересы потребителей всех рынков ЕАЭС: товаров, работ / услуг, труда и капитала.

Необходимо отметить, что на данный момент на территории ЕАЭС действуют два вида источников права по вопросу международного гражданского процесса: национальное право и международные договоры.

В национальном праве стран ЕАЭС есть аналогичные нормы «широкой юрисдикции». Например, суды могут рассматривать дела, если ответчик имеет какое-либо имущество на территории определенной страны или в случае исполнения договора на территории определенной страны (ст. 466 ГПК Казахстана; ст. 235 ХПК Белоруссии; ст. 431 ГПК Армении; ст. 383 ГПК Киргизии).

В законодательстве Казахстана и Киргизии содержатся основания для юрисдикции по делам о возмещении вреда жизни и здоровью, в случае проживания истца в этих странах. В Казахстане и Киргизии возможно привлечение иностранного лица в процесс по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также о защите прав субъектов персональных данных.

Интересная ситуация сложилась в Белоруссии. Здесь установлено два различных режима для гражданского и экономического судопроизводства. ГПК Белоруссии дает ограниченные территориальные основания для юрисдикции судов. Иными словами, в гражданском процессе Белоруссии нет «широкой юрисдикции» для иностранных лиц (ст. 545 ГПК Белоруссии). При этом ХПК Белоруссии содержит вышеперечисленные широкие основания. Кроме того, в данном кодексе есть дополнительное основание для компетенции суда – «иные случаи – при наличии тесной связи спорного правоотношения с территорией Республики Беларусь» (ст. 235 ХПК Белоруссии).

К сожалению, в ЕАЭС не принято специальных соглашений о судебной юрисдикции. Суды стран ЕАЭС руководствуются наследием СНГ. Во-первых, это нормы из Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. (Минская Конвенция). В силу ст. 20 Минской Конвенции суды Договаривающейся Стороны компетентны, когда на ее территории:

а) осуществляется торговля, промышленная или иная хозяйственная деятельность предприятия (филиала) ответчика;

б) исполнено или должно быть полностью или частично исполнено обязательство из договора, являющегося предметом спора;

в) имеет постоянное местожительство или местонахождение истец по иску о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Подобные юрисдикционные нормы содержатся в ст. 4 Соглашения стран СНГ от 20.03.1992 «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» (Киевское Соглашение) [23].

На данный момент до сих пор нет точного правоприменительного подхода к толкованию формулировки Минской Конвенции СНГ: «*торговая, промышленная или иная хозяйственная деятельность предприятия*», как условия для применения «широкой юрисдикции», что было бы наиболее востребовано в наднациональном праве, обусловленном развитием международной экономической интеграции и торгово-экономического сотрудничества. Конкретные примеры и критерии единообразного применения указанного условия не были выработаны судебной практикой. Поэтому данная норма обычно применяется совместно с другими основаниями [15; 18]. Возможно, практика должна также закономерно прийти к теории минимальных контактов (*minimum contacts principle*) для оптимизации данного основания, что соответствовало бы требованиям международной экономической интеграции и минимальным известным критериям интеграционных объединений.

Таким образом, «широкая юрисдикция» не урегулирована в рамках ЕАЭС, в то время как у стран экономического союза есть основания для «широкой юрисдикции» и некоторая основа для юрисдикционного взаимодействия в рамках ЕАЭС на базе права СНГ, а не только национального процессуального законодательства стран-членов.

Представляется, что выработка доктрины «широкой юрисдикции» в рамках международных интеграционных образований является перспективным направлением и ее внедрение в практику наднационального, международного и национального регулирования отвечает целям создания общих экономических рынков и зон свободной торговли. При этом в проработке нуждаются механизмы широкой юрисдикции для стран – членов интеграционного образования (например, ЕАЭС) и стран – партнеров союза, еще не вступивших в члены интеграционного образования, но выстраивающих с ним свои партнерские и торговые отношения.

Проблемы «широкой юрисдикции» в странах ЕАЭС

Как только мы отходим от стандартной модели юрисдикции – подсудность суду страны ответчика, то сталкиваемся с рядом проблем. Они уже были обозначены в практике США и России.

Первая проблема – процедура надлежащего уведомления ответчика. Вопросы уведомления иностранного лица рассматриваются на этапе предъявления иска и на этапе признания иностранного судебного решения. Но, к сожалению, в международных соглашениях не выработан четкий и эффективный способ уведомления.

Например, ст. 10-11 Минской Конвенции предполагают, что запрашиваемое учреждение юстиции (где находится ответчик) вручает документы в соответствии с порядком этого государства. Если установление адреса окажется невозможно – документы возвращаются. Само вручение удостоверяется подтверждением, подписанным лицом, которому вручен документ. При этом подтверждение должно быть скреплено официальной печатью с указанием способа, места и времени вручения. Установленный порядок усложняет процесс вручения, а в большинстве случаев делает его просто невозможным.

При этом существует коллизия по вопросу извещения о судебном процессе, так как ст.5 Киевского соглашения устанавливает, что компетентные суды обязуются оказывать взаимную правовую помощь (вручение и пересылка документов, выполнение процессуальных действий). Иными словами, в случае использования норм Киевского соглашения – возможно вручение извещения через суд по месту нахождения ответчика напрямую.

Проблема надлежащего извещения в международном гражданском процессе неоднократно поднималась в российской практике [17; 11] и доктрине [7, с. 75].

В современном мире нет сложностей для уведомления ответчика путем специального почтового отправления напрямую судом. При этом по общему правилу, на этапе предъявления иска, извещение ответчика регулируется процессуальным законодательством страны суда (*lex fori*) [7, с. 75]. Естественно, такое уведомление должно иметь рациональные критерии для признания его надлежащим.

Представляется, что с развитием цифровизации и цифрового правосудия проблема уведомления в рамках подхода «широкой юрисдикции» должна найти новые современные решения.

Кроме того, в условиях развития наднационального интеграционного права – вопросы неизбежного расширения юрисдикции должны находить решения, соответствующие потребностям экономической интеграции. Так, для международной региональной экономической интеграции возможности и перспективы выработки четких и универсальных решений более очевидны, чем на глобальном уровне (изменяющийся прецедентный подход в США, установление разных национальных режимов широкой юрисдикции), при осложнении санкционной политикой государств.

Другая проблема – обстоятельства неудобного форума. В судебной практике [16] возникают ситуации, которые приводят к тому, что выбранный истцом суд формально имеет юрисдикцию, однако быстрое и эффективное разрешение спора невозможно в силу ряда причин (территориальная отдаленность; доказательства находятся в другой юрисдикции; иностранный правовой контекст; участие ответчика осложнено; в настоящее время к этим ситуациям можно добавить – осложнение судебной защиты применением к лицу санкций и др.). При этом рассмотрение в суде другой юрисдикции в силу процессуальных норм также возможно и объективно более эффективно. В таких случаях было бы правильно дать возможность «уступить» свою юрисдикцию другой стороне страны ЕАЭС. Следует отметить, что «уступка юрисдикции» – наиболее удобный компромиссный для экономической интеграции прием, который может быть использован как одно из решений для создания наднациональных процессуальных режимов.

Заключение

Соединенные Штаты совсем не одиноки в предоставлении широкой юрисдикции [31, с. 1243]. Европейские и азиатские страны, в том числе и Россия, предоставляют истцам доступ к своим судам по многим основаниям, которые

иногда выходят за рамки допустимого с точки зрения американского подхода [46, с. 1003; 53, с. 209].

Подходы к расширению юрисдикции давно и широко используются странами при конкуренции правовых систем (примеры, право США, а также право Англии и широкая юрисдикция государственных судов Англии, показательным служит известное дело «Березовский v Абрамович» [19]).

Исследователи назвали разницу в концепциях «конфликтом справедливости» между Соединенными Штатами и европейскими юрисдикциями [36, с. 1243; 31, с. 1243]. Эта дисгармония препятствует переговорам по международным договорам [40, с. 2190] и взаимному признанию судебных решений [30, с. 7].

Таким образом, на любое расширение юрисдикции одного государства есть расширение юрисдикции других государств. Такое бесконечное соревнование должно иметь свои пределы. Можно считать, что эти пределы устанавливаются возможностью исполнить судебное решение в другой стране. Однако без сотрудничества государств – международная подсудность теряет свой смысл.

В конце концов, мы возвращаемся к пониманию, что судебное решение только производная государственной власти [8, с. 810], власть суверена над территорией [54, с. 43]. А это значит, что в транснациональных спорах судебное решение будет фикцией и не выполнит свою главную цель – разрешение спора и защита нарушенных прав.

В указанном вопросе необходимо учитывать имеющиеся общие решения, созданные на конвенционном уровне для определенной специальной области споров, в частности, для трансграничных споров родителей в отношении детей (родительская ответственность) и споров в связи с международным похищением детей родителями [5; 6]. В указанных отношениях отдельное внимание уделяется вопросам определения юрисдикции, на основе использования довольно широкого юрисдикционного подхода и возможностей уступки юрисдикции. Практика применения широкой юрисдикции на основании данных международных универсальных, но при этом специально отраслевых конвенции имеется и в РФ [9].

Актуализируется вопрос развития концепции «широкой юрисдикции» для международных экономических отношений, в рамках процессов международной экономической интеграции (ЕС и ЕАЭС).

В связи с этим, необходимо региональное объединение и взаимные уступки по данному вопросу. Возможно, лучшим выходом является принятие внутреннего соглашения ЕАЭС, которое будет включать следующие нормы:

- правила надлежащего извещения, учитывая современные возможности цифровизации;
- согласие с иностранной юрисдикцией путем направления отзыва (иными активными действиями);
- критерии минимальных контактов с государством (что может быть выработано в качестве минимального универсального критерия в рамках международной экономической интеграции и единого экономического рынка);
- рассмотрение дел с иностранцами третьих стран, если задействованы юрисдикции стран ЕАЭС и партнеров ЕАЭС;
- возможность толковать юрисдикционные нормы ЕАЭС Судом ЕАЭС;

Новыми вызовами для проблемы широкой юрисдикции выступают сегодня режимы санкций, которые диктуют создание на национальном уровне как новых подходов к расширению юрисдикции в целях обеспечения судебной защиты и доступа лиц, находящихся под санкциями, к средствам правовой защиты, так и создания ответных юрисдикционных мер на расширение иностранных юрисдикций, применяющих санкции к лицам, ограниченным в указанных юрисдикциях в доступе к правосудию.

На максимальное расширение юрисдикции существенное влияние оказывает современное развитие интернета, цифровых услуг, в которых стирается типичный критерий трансграничности для определения в принципе какой-либо личной юрисдикции.

Широкую юрисдикцию невозможно исключить из современного международного гражданского процесса. Однако она требует большего внимания со стороны законодателя, судов и исследователей. Можно считать, что вопросы из дела *Asahi* актуальны для всех юрисдикций: служит ли допущение юрисдикции межгосударственной эффективности и интересам межгосударственной политики?

Литература

1. Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей [рус., англ.] (Заключена в г. Гааге 19.10.1996). Документ вступил в силу 1 января 2002 года. Россия присоединилась к данному документу с оговорками и заявлением (Федеральный закон от 05.06.2012 N 62-ФЗ). Документ вступил в силу для России 1 июня 2013 года // "Собрание законодательства РФ", № 32, 12.08.2013,
2. *Батлер У.Э., Ерпылева Н.Ю., Максимов Д.М.* Производство по делам с участием иностранных лиц в международном процессуальном праве России, Казахстана и Узбекистана // *Законодательство и экономика*. – 2016. – № 11. – С. 67–93.
3. ВС разрешил рассмотреть в России иск против Facebook [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.ru/news/223336/> (дата обращения: 30.04.2021);
4. *Гетьман-Павлова И.В., Касаткина А.С., Филатова М.А.* Международный гражданский процесс: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. И.В. Гетьман-Павловой. – Москва: Юрайт - 2019. – 271 с.
5. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (Заключена в г. Гааге 25.10.1980). Документ вступил в силу 1 декабря 1983 года. Россия присоединилась к данному документу с оговоркой (Федеральный закон от 31.05.2011 N 102-ФЗ). Документ вступил в силу для России 1 октября 2011 года // "Собрание законодательства РФ", № 51, 19.12.2011.
6. Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей (Заключена в г. Гааге 19.10.1996). Документ вступил в силу 1 января 2002 года. Россия присоединилась к данному документу с оговорками и заявлением (Федеральный закон от 05.06.2012 N 62-ФЗ). Документ вступил в силу для России 1 июня 2013 года // "Собрание законодательства РФ", № 32, 12.08.2013.
7. *Костин А. А.* Вопросы надлежащего уведомления иностранного ответчика в международном гражданском процессе // *Закон*. – 2014. – №. 8. – С. 75-83.
8. *Луниц Л.А., Марышева Н.И.* Курс международного частного права: в 3 т. Т. 3: Международный гражданский процесс. – Москва: Спарк, - 2002. – 1007 с.
9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом ВС РФ 27.11.2019) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»
10. Определение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-144535/2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»
11. Определение ВАС РФ от 15.10.2012 N ВАС-10793/12 по делу N А53-28317/2011 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.06.2020 N 5-КГ20-49 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»
13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2020 N -89КГ20-6-К3 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»

14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.06.2017 N 93-КГ17-5 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»
15. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.05.2019 по делу № А41-89140/2018 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»
16. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.05.2019 по делу № А41-89140/2018 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»
17. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.12.2015 по делу N А56-25626/2015 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»
18. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.09.2011 N 09АП-23669/2011-ГК по делу N А40-17856/11-77-152 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»
19. Почему Березовский проиграл Абрамовичу? Полный текст решения суда URL: <https://www.forbes.ru/sobytiya/lyudi/110580-pochemu-berezovskii-proigral-abramovichu-polnyi-tekst-resheniya-londonskogo-su> (дата обращения: 30.04.2021).
20. Рожкова М. А., Елисеев Н. Г., Скворцов О. Ю. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения. – Москва, – 2008. – 528 с.
21. Россиянам разрешили судиться с Facebook на родине [Электронный ресурс] // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/13/07/2020/5f0c6d959a7947699c5eed33 (дата обращения: 30.04.2021).
22. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. – Москва: Статут, - 2016. - 640 с. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»
23. Соглашение стран СНГ от 20.03.1992 "О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности". Документ ратифицирован Постановлением Верховного Совета РФ от 09.10.1992 N 3620-1 // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ "Содружество", N 4, 1992
24. Старженецкий В. В., Очирова С. Б. Влияние санкций на разрешение внешнеэкономических споров: сохранение status quo или поиск альтернативных юрисдикций? // Международное правосудие. – 2020. – № 4. – С. 144-167.
25. Тарасова А.Е. Английское право в России, российское право в Англии - скоро это войдет в наше правовое со-знание как некий новый порядок вещей? // Управление персоналом. – 2011. – № 23. – С. 72–75.
26. Тарасова А.Е., Козлов Д.В., Шиянов А.В. Методология исследования правового регулирования предпринимательской деятельности в Евразийском экономическом союзе // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17. – № 1. – С. 102-125.
27. Герентьева Л.В. Основания установления международной судебной юрисдикции применительно к трансграничным потребительским спорам в цифровую эпоху // LexRussica. 2019. – №. 11 (156). – С. 96-107.
28. Asahi Metal Industry Co. v. Superior Court [Электронный ресурс] // URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/480/102.html> (дата обращения: 30.04.2021);

29. *Asahi Metal Industry Co. v. Superior Court*, 480 U.S. 102 (1987) [Электронный ресурс] // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/480/102/#tab-opinion-1956980> (дата обращения: 30.04.2021).
30. *Baumgartner S. P.* How Well Do US Judgments Fare in Europe? // *George Washington International Law Review*. - 2007. - vol. 40 (1).
31. *Berger-Walliser G.* Reconciling Transnational Jurisdiction: A Comparative Approach to Personal Jurisdiction over Foreign Corporate Defendants in US Courts // *Vanderbilt Journal of Transnational Law*. - 2018. - vol. 51 (5).
32. *Blair P.* The doctrine of forum non conveniens in Anglo-American law // *Columbia Law Review*. 1929. vol. 29 (1).
33. *Born G. B.* Reflections on Judicial Jurisdiction in International Cases // *Georgia Journal of International and Comparative Law*. - 1987.- vol. 17 (1).
34. *Brand R. A.* Access-to-Justice Analysis on a Due Process Platform // *Columbia Law Review Sidebar*. - 2012. - vol. 112.
35. *Buxbaum H. L.* Forum Selection in International Contract Litigation: The Role of Judicial Discretion // *Willamette Journal of International Law and Dispute Resolution*. - 2004. - vol. 12.
36. *Clermont K. M., Palmer J. R. B.* Exorbitant jurisdiction // *Maine Law Review*. - 2006.- vol. 58 (2).
37. *Colangelo A. J.* A unified approach to extraterritoriality // *Virginia Law Review*. - 2011. - vol. 97 (5).
38. *Daimler AG v. Bauman*, 571 U.S. 117 (2014) [Электронный ресурс] // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/571/117/#tab-opinion-1970796> (дата обращения: 30.04.2021).
39. *Dodge W. S., Dodson S.* Personal Jurisdiction and Aliens // *Michigan Law Review*. - 2018. - vol. 116 (7).
40. *Feldman A.* Rethinking Review of Foreign Court Jurisdiction in Light of the Hague Judgments Negotiations // *New York University Law Review*. - 2014. - vol. 89.
41. *Goodyear Dunlop Tires Operations, GOODYEAR DUNLOP TIRES OPERATIONS, S. A., et al. v. Brown* [Электронный ресурс] // URL: <https://www.supremecourt.gov/opinions/10pdf/10-76.pdf> (дата обращения: 30.04.2021).
42. *Goodyear Dunlop Tires Operations, S. A., et al. v. Brown*, 564 U.S. 915 (2011) [Электронный ресурс] // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/564/915/> (дата обращения: 30.04.2021);
43. *International Shoe v. State of Washington*, 326 U.S. 310 (1945) [Электронный ресурс] // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/326/310/> (дата обращения: 30.04.2021).
44. *J. Mv. Nicastro* (No. 09-1343) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.law.cornell.edu/supct/html/09-1343.ZC.html> (дата обращения: 30.04.2021).
45. *Jones v. Calder* [Электронный ресурс] // URL: <https://caselaw.findlaw.com/ca-court-of-appeal/1840749.html> (дата обращения: 30.04.2021).
46. *Michaels R.* Two paradigms of jurisdiction // *The Michigan Journal of International Law*. - 2005. - vol. 27.
47. *Nash J. R.* National Personal Jurisdiction // *Emory Law Journal*. - 2018. - vol. 68 (3).

48. *Pennoyer v. Neff*, 95 U.S. 714 (1878) [Электронный ресурс] // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/95/714/> (дата обращения: 30.04.2021).
49. *Peterson T. D.* The Timing of Minimum Contacts // *The George Washington Law Review*. - 2010. - vol. 79.
50. *Simard L. S.* Exploring the Limits of Specific Personal Jurisdiction // *Ohio State Law Journal*. - 2001. - vol. 62.
51. *Trammell A. M., Bambauer D. E.* Personal Jurisdiction and the Interwebs // *Cornell Law Review*. - 2014.- vol. 100 (5).
52. *Ullian D. R.* Retroactive Application of State Long-Arm Statutes // *Florida Law Review*. - 2013. - vol. 65 (5).
53. *Vitiello M.* Limiting Access to US Courts: The Supreme Court's New Personal Jurisdiction Case Law // *UC Davis Journal of International Law & Policy*. - 2014. - vol. 21.
54. *Von Mehren R. B.* Transnational Litigation in American Courts: An Overview of Problems and Issues // *Dickinson Journal of International Law*. - 1984. - vol. 3 (1).
55. *Whytock C. A., Robertson C. B.* Forum non conveniens and the enforcement of foreign judgments // *Columbia Law Review*. 2011. - vol. 111 (40).